

АНДРЕЙ МЕНЬШИКОВ

Современная социология и/или социология Современности?¹

Двадцатый век — век общественных наук?

Двадцатый век фундаментальным образом изменил нашу жизнь, на первый взгляд благодаря, прежде всего, развитию техники и естественных наук². Но не стоит забывать и о роли общественных наук: именно в двадцатом веке они переживали свой расцвет, стали профессиональным занятием большого количества людей, были институционализированы в общественно-благотворительных, академических, учебных, исследовательских учреждениях и на протяжении всего столетия оказывали значительное влияние на то, каким образом наши общества должны быть устроены и как они должны функционировать. Социаль-

¹ Автор выражает искреннюю признательность профессору Бьорну Витроку, директору Шведского Коллегиума, Упсала, главе Международного Института Социологии, а также фонду ИНТАС за поддержку проведенной работы (грант INTAS YSF 06-1000 014-6151).

² См. Lepenies, W. *Between Literature and Science: The Rise of Sociology*. New York: Cambridge UP, 1985. *Discourses on Society: The Shaping of the Social Science Disciplines*. Sociology of Sciences Yearbook. Eds. by Peter Wagner, Bjorn Wittrock, Richard P. Whitley. Dordrecht: Kluwer, 1991. Wagner P. After Justification: Repertoires of Evaluation and the Sociology of Modernity // *European Journal of Social Theory*. 2 (3) 1999, 341–357. Wagner P. Epistemology and Critique // *European Journal of Social Theory*. 4 (3) 2001, 284–287. Wagner P. Two Ways of Vindicating the Political // *European Journal of Social Theory*. 4 (4) 2001, 509–517. Wagner P. *A History and Theory of the Social Sciences. Not All That Is Solid Melts Into Air*. London: Sage, 2001. Wagner, Peter. Social Theory and Political Philosophy // *Contemporary European Social Theory*. Ed. G. Delanty. London, New York: Routledge, 2006; 25–36. Wagner P. *Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity*. Cambridge: Polity, 2008. См. Также Доклад Питера Вагнера для ЮНЕСКО, сделанный в 1998 г.

ные «технологии» потребовались как на государственном уровне — для организации огромного количества людей и ресурсов в ходе массовых войн (в особенности мировых), для решения социальных и экономических проблем, вызванных миграцией, урбанизацией, индустриализацией («социальный вопрос») и становлением национальных государств («национальный вопрос»), для организации политического процесса в массовых демократиях и для контроля над массами в тоталитарных режимах; так и на уровне негосударственных организаций — для организации массовых производств на крупных предприятиях, для эффективного менеджмента на микроуровне, для исследований массового спроса и т. п. И все это осуществлялось как в прикладном, так и в академическом аспекте. Но кажется, что с завершением двадцатого столетия наступает и закат общественных наук, ибо на первый план выходят подходы и методы, альтернативные собственно социологическим: внимание переносится с сообществ на индивиды, нарративные интерпретации доминируют над социологическими обобщениями данных³. В целом, общественные науки также вытесняются из «дискурса властвующих», утрачивают свою легитимирующую убедительность, вырождаясь в «мониторинг» «общественного мнения». Тем не менее «основные вопросы» социологии и проблематики, артикулированные общественными науками, не исчезают. Возможно, мы переживаем период «смены парадигм», а не заката общественных наук? Для ответа на этот вопрос необходимо очертить историческую траекторию становления и институционализации общественных наук. Особый интерес в этой связи у меня вызвали работы Питера Вагнера (прежде профессора Института «Европейский Университет», Флоренция, ныне профессора университета Тренто), который несколько десятилетий своих исследовательских трудов посвятил прояснению становления общественных наук и их исторической роли в контексте Современности, который они во многом и определяли. В этом предваряющем введении я лишь кратко представлю его основные посылки и выводы касательно становления общественных наук, относительно же смысла, которым Вагнер наделяет общественные науки, точнее их современного смысла, читатель сам сможет прочесть в переведенном тексте, следующем за этим введением.

Свобода и предсказуемость

Буржуазные революции, в особенности американская и французская, поставили «основные вопросы» социологии: есть ли причины, силы, факторы, которые заставляют людей делать то, что они делают; и каков коллективный результат того, что делает каждый индивид в отдельно-

³ См. *The Return of the Grand Theories in the Human Sciences*. Ed. Quentin Skinner. Worcester: Cambridge UP, 1985.

сти, — со всей остротой и даже жестокостью. Ибо слом внешнего принуждающего авторитета (сакральности политической власти) предоставил свободу общественно-политического действия индивидам, опирающимся на собственное решение, но, перефразируя Бёрка, прежде чем поздравлять себя с наступившим освобождением, хотелось бы знать, что же собственно будут делать новоосвобожденные и не окажемся ли мы в пучине хаоса и беззакония.

Общественные теории были попыткой восстановить предсказуемость и тем самым стабильность общественной жизни через обнаружение «объективных закономерностей общественных процессов». Более того, именно это новое состояние, открывшее «апорию свободы», сделало наши знания об обществе основой и инструментом улучшения общественной жизни, ибо отсутствие внечеловеческой предзаданности делает нас способными к реформированию и ответственными за наше общество. Камеральные науки и науки о правлении (прикладные познания правителей и правительств), с одной стороны, и этика (практическая философия, более чем абстрактно рассуждающая о добродетелях индивидов и идеальном обществе) — с другой, отступают и замещаются новыми подходами и новой повесткой.

Можно выделить в общем виде три варианта осмысления закономерностей общественных отношений, которые сформировались в общественных науках: во-первых, предсказывать действия исходя из *общественного положения* индивидов, из их принадлежности либо к некоей группе людей, разделяющих общие ценности и ориентации (прежде всего «наций», как делается в разнообразных теориях культур), либо к некоей группе людей, разделяющих общие социально-экономические интересы (прежде всего «классов», как делается в разнообразных теориях классов), но и в том, и в другом случае предполагается наличие некоей до-индивидуальной общности, определяющей поступки индивидов, становящихся своего рода функциями своего «общественного места» (социология); во-вторых, предсказывать действия исходя из *рациональности индивидов* и целенаправленности их поступков, которые обеспечивают общий достаточно сбалансированный результат, но, предполагая тем самым известное внутреннее устройство индивида (разум доминирует) и возможность разделения сфер общественной жизни (на сферы интересов и сферы страстей) (экономика); и, наконец, предсказывать действия исходя из *подсчета* позиций и поступков индивидов без выяснения причин и потому без особых предположений, но по законам больших чисел (статистика).

Проблематики общественных наук и их развитие

Завоевание общественными науками позиции в общественном контексте в разных странах складывалось по-разному, но общим было то, что их институциональной основой стали *университеты* (производя-

щие систематическое исследовательское знание в рамках дисциплинарных повесток), а мировоззренческим горизонтом — национальные государства (нация как горизонт всякого размышления, «методологический национализм»). Две эти особенности Вагнер называет академико-институциональная дилемма и политико-институциональная дилемма, на пересечении которых формировались фундаментальные проблематики общественных наук, последние необходимо рассмотреть более подробно.

I. Локальное и универсальное

Во-первых, локальное становление и развитие (от романтических теорий о выражении в науках национального духа и о пребывании знания в национальных языках до вполне практических различий в стилях академического письма и правилах академической работы) самих наук вступало в противоречие, с одной стороны, с универсальными претензиями их теоретических построений, а с другой — с постепенной интернационализацией академического процесса (в 1893 учреждается Международный Институт Социологии, начинают проводиться международные конгрессы и конференции, устанавливаются стандарты письма и правила работы), связанной со стремлением понять состояние Современности, в котором волей-неволей постепенно оказывались все. При неравенстве условий сотрудничества-соперничества борьба подходов и теорий шла на всех направлениях (институциональном — академический интерес или прикладной, общемировоззренческом — либеральные или социалистические доктрины, методологическом — количественные или качественные методы), но с 70-х гг. всплеск разнообразных посттеорий (постмодернизм, постколониализм, феминизм) и «антропологический переворот» (наряду со многими другими — герменевтический, лингвистический, исторический, диалогический и т. п. и т. д.) продемонстрировали как укорененность и незаменимость общественных наук, так и неизбежную «полипарадигмальность» подходов, которые участвуют в «глобальном обмене» интерпретаций Современности.

II. Системность и применимость

Во-вторых, требование теоретической ясности и систематичности исследования далеко не всегда благополучно сочетается с возможностью применения на практике и конкретной эффективностью, потому общественные науки пережили смену нескольких моделей своей полезности. Здесь важнейшим оказывается различие описательного и нормативного измерений общественных теорий. Если в классический период они гармонично сочетались: исследовательская установка на автономию человеческого действия и политическая при-

верженность ценности свободы — именно последнее обеспечивало возможность «цивилизованных» форм социальностей; то при анализе современных массовых обществ действия индивида и коллективные процессы уже не соединяются через признание нормативного понятия свободы, потому их чаще всего обходят методологическими средствами, скрывающими сильное присутствие нормативности.

Опыт организации огромных масс, регулирования общественных процессов и контроля над экономикой во время Первой мировой войны и ее последствий, борьбы с глобальным экономическим кризисом конца 20-х гг., сочетаясь с вариантами позитивистской философии, продемонстрировал эффективность государственного планирования (от организованного капитализма до административного социализма) и придал оптимизма «социальным инженерам» разных мастей. Однако эффективность политического вмешательства, исходившего из разных, вплоть до противоположных, теоретических построений, не могла обеспечить мировоззренческого, теоретического единства науки. После Второй мировой войны альянс теории социальных систем Парсонса, ориентации на средний уровень исследования Мёртона и эмпирической методологии Лазарсфельда обеспечил фактическую гегемонию определенного направления в общественных науках, завоевал доверие правительств и управленцев (менеджеров) разных уровней и сфер посредством учреждения политического консалтинга (*policy sciences*), а также превратился в политическую идеологию — теорию модернизации, тем самым объединив теорию и практику, системность и прикладную эффективность.

Однако сочетание политического и когнитивного господства над обществом задавало достаточно узкое поле зрения: знание об обществе становится знанием лишь об обществе управляемом (*administered society*), а превращение «критического интеллектуала» в *policy designer* вызывает недовольство возникновением «нового господствующего класса» — менеджеров. Сложности со становлением государства благосостояния, «неровности» мирового процесса модернизации, а также параллельные процессы переоценки наших когнитивных возможностей, уже упомянутые выше, признание значимости интерпретативных подходов, и в особенности проблемы связи между знанием и применением знания на практике, приводят к разочарованию в союзе государства и общественных наук, «кризису социологии» и всплеску неолитерализма. Тем не менее сложности понимания общества (или даже возможная непознаваемость) не снимают потребности в теоретическом знании и прикладном исследовании.

III. Цельное мировоззрение и дисциплинарные рамки

В-третьих, необходимость конкретных дисциплинарных исследований вступала в противоречие с необходимостью мировоззренческо-

го когнитивного единства. Поскольку в ходе национального становления общественных наук сложились разные «конstellации» дисциплинарных компонентов (эмансипация их от философии или истории, или экономики, доля математических или интерпретативных методов, баланс теории и применимости), а также вследствие различий в национальных критериях дисциплинарных демаркаций единая матрица дисциплин была невозможна, более того, это предполагало бы, что мир структурен и делим на сферы в соответствии с нашими представлениями. Все углубляющаяся специализация демонстрировала, что общество не «схватывается» специализированными «сетями» дисциплинарных исследований и требует не-, транс- междисциплинарных исследований, т.е. вела к «дисциплинарной эрозии» и попыткам «новых синтезов», как например, социология Больтански и Тевено.

IV. Научный статус и научная конкуренция

В-четвертых, борьба за научность самих общественных наук, за самостоятельность и профессионализацию приводила их к конфликту-сотрудничеству с другими устоявшимися науками, в результате чего требовалось консолидировать собственное специфическое мировоззренческое и методологическое «ядро» (к 60-м гг. — количественные методы, эмпирические исследования, отказ от метафизических установок), максимальным выражением которого стали заявления о «конце идеологии», свидетельствующие об эпистемическом закрытии, но критические подходы (история, социология и антропология самих общественных наук) настаивали на исторической обусловленности всего проекта «изобретения общества» (Донзело), создании «социологической позиции» (Манан) и «практик обоснования» (Больтански и Тевено). Потому конкуренция с другими науками, а также подходов внутри самих общественных наук, сохраняет свою силу и гарантирует плюрализм.

Новые перспективы и наследие прошлого

Историческая динамика вышеописанных проблематик свидетельствует о фундаментальной переоценке когнитивных оснований, мировоззренческого содержания, методологических установок и претензий на легитимность общественно-научного знания, однако их институциональная база, как академическая, так и прикладная, может служить хорошим ресурсом для того, чтобы этот кризис пережить и решать назревшие теоретические и практические проблемы.

Следующие направления размышлений, по мнению Вагнера, представляются наиболее важными: во-первых, размышлять об условиях собственной возможности; во-вторых, помнить, что обязательство и обещание общественных улучшений посредством прикладных иссле-

дований не должны затемнять академическую универсальность; в-третьих, не принимать сложившуюся дисциплинарную структуру за естественное деление мира и признать разнообразие возможных метафизик; в-четвертых, осознавать, что «конституционные» вопросы остаются и пересматриваются (существует многообразие миротворчества и общение поверх границ лишь поможет прояснить возможности их существования).

Профессионалы и простецы: кто знает общество лучше?

В целом, происходящие перемены можно назвать, пользуясь предложенным в Ежегоднике социологии знания термином, *демократизацией* экспертизы. Демократизацией, которая проистекает не только из политического климата, но и из эпистемологии: как показали Болтански и Тевено, обществоведы-профессионалы и простые люди, ориентирующиеся в обществе, обладают не просто теми же способностями, но и сходными методами по осмыслению тех общественных процессов, в которых они участвуют и за которыми они наблюдают. Потому меняется роль практик обществоведческой экспертизы: смещается граница между всеми известными публичными экспертами (академическими — исследователями, медийными — *opinion makers*, специализированно-профессиональными — лоббисты, консультанты и т. п.) и частными экспертами — простыми людьми, которые обсуждают и обдумывают происходящее в обществе, но в своем кругу, в сети своих горизонтальных коммуникаций⁴. Осознание важности роли «знания об обществе» простых людей, ибо именно их знание структурирует их практики, а тем самым и само общество, а также понимание того, что именно из осмысленных акторами практик состоит ткань общества, и того, что реальные общественные изменения возможны только при изменениях на этом микроуровне, фундаментально меняет повестку обществоведческих исследований.

Подводя итоги, хочу напомнить, что мы рассмотрели становление и динамику общественных наук в двадцатом столетии по четырем направлениям-проблематикам (локальное—универсальное, теоретическое—практическое, мировоззренческое—дисциплинарное, статусное—конкурентное) и обнаружили смену парадигм как на методологическом (плюрализм методов, важность интерпретативных методик, междисциплинарность), так и на онтологическом уровнях (общество существует в и через действия индивидов, общественные институты существуют через практики людей, в современном обществе не столь-

⁴ См. для сравнения два методологически альтернативных подхода: Boltanski L., Thévenot L. *On Justification, Economies of Worth*. Tr. by C. Porter. Princeton: Princeton UP, 2006. *The Social Logic of Politics. Personal Networks as Contexts for political Behavior*. Ed. Alan S. Zuckerman. Philadelphia: Temple UP, 2005.

ко «доминирующий дискурс», или «знание господствующих», сколько коммуникативные практики и смыслы, которые создаются и реализуются простыми людьми, определяют, что оно — современное общество — собой представляет). В этой перспективе, мне кажется, текст Питера Вагнера «Социальная теория и политическая философия» приобретает особенно актуальное звучание.